

Андрей Родионов

Абсурд в деревне

16+

Андрей Николаевич Родионов

Август в деревне

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41892982

SelfPub; 2019

Аннотация

Если бы душевные деревенские чудаки из рассказов В.Шукшина закончили институты, остались жить в городе и писали стихи, они бы, наверное, писали их так, как пишет автор. Они бы не мучились и не пыхтели над каждой строкой, а доверялись бы только вдохновенному порыву, эмоциональному "выстрелу" от природы сверхщедро поэтически одарённой натуры, периодически впадающей в восторг от ощущения чуда жизни и от собственной способности это чудо записать.

* * *

Милый мальчик, ты был такой милый,
считал журавлей, пролетающих клином,
теперь ты взрослый, лежишь под капельницей:
сердце – Арктика, льдины, – льдины.

Ну, ничего, все проходящее, и в нашем саду, расцветут
георгины

будет еще и утро звенящее:
всех журавлей будешь знать
по имени...

* * *

В лирике мало толку,
в лирике Бога мало,
зачешу набок челку,
сяду на линию горизонта:
пусть гуси цепляются крыльями
за мои босые ноги.
Я буду дремать от удовольствия,
как кошка преданная высуну язычок...

* * *

В деревне атмосфера. -
Образы, образа...
Вчера пьяный сосед
рассказал,
что там, где пустырь,
был монастырь
перед войной
с одной вдовой
там раскапывали
могилы.
Искали сокровища в земле.
кое-что было:
пуговица красноармейца,
рога и
вилы...

* * *

Ох уж этот август,
этот вечер синий
принес не по сезону
к вишням апельсины.
Летняя веранда,
открытое окно,
улица потеет,

в комнате темно.

Ты сидишь над вишнею -
не с чего начать...

Щелкнуть выключателем?

– Лучше не включать.

Безнадежный август,
все играет роль.

На газете «Правда»
сушится фасоль.

* * *

Лесничий выходит из дома,
не закрывая балкона,

ёлочные игрушки
брошены на подушки.

Лесничий позавтракал
снегом

и бросился в омут
с разбега.

– Милая, в старом пруду
я тебя непременно найду!..

* * *

Наболей на себя

меня.

В душе моей

клювик соловья.

* * *

Доведи меня

до каления,

доведи до

оледенения,

не хочу как есть -

36,6.

* * *

В небе месяц корчится,

в комнате темно,

я курю у форточки,

и смотрю в окно.

Выписывают атомы

бессмысленный маршрут,

а дворники лопатами

лохматый снег жуют.

Русь ты моя, родина,

родинка на теле,

кто тебя ни пробовал,

все тебя хотели.
С невесты татары
срывали венец...
Здесь и смерть,
как начало.
Здесь жизнь,
как конец.

* * *

Так тихо в комнате
и только тикают часы
и так не часто.
Вечер в комнату
налит до густоты,
а комната из пенопласта.
Мы ждали вечер.
И из бутылки с коньяком
коньяк разлит, а женщины из глины.
Дверной звонок.
– Здесь кто-то не живет?
– Да, не живет.
– Вот передайте домовому мандарины...

* * *

Сергею З. (сержанту)

полиции Манхеттена)

Где голубой солдат
в розовых эполетах
с маской противогаза
на пепельно-сером лице,
память тевтонского ордена
безвременно канула в лету.
Никто не поднимет трубку
на противоположном конце
провода.

Вихрем реанимации
в воздух врывается зуммер.
в доме обои рваные
ветер урбанизации.
Запах формальдегида,
значит, опять кто-то умер
из суетливой нации
коллекционеров бабочек.

* * *

Я был «духом»: слаб духом.
Сержант помогал по-всякому,
земляк все-таки,
Фамилия такая: Ли–Орлов.

Вот, думаю, приду на гражданку – будет аутодафе.
Иду по аллее -
фамилия знакомая...
Фотография...
Эпитафия...

* * *

Вологда-город на свете жила,
в Вологде вишня весною цвела,
летали стрекозы, пел соловей
в Вологде – городе мысли моей.
Только однажды осенним листом
спустился волшебник с черным перстом
и пальцем корявым в дома и углы
Вологду проклял – они не твои.
С тех пор я в осеннем дыму,
как в беде.
Где ты моя черноглазая, где?..

* * *

Завтра снова в колхоз, где козы
сосут молоко козлят, выются стрекозы,
а толпы маленьких лохматых дьяволят
танцуют канкан на крыше мясомолочной фермы.

На них давно хмельные егеря наводят прицелы
штуцеров и трехдюймовок.
Там погребя, от массы крысоловок
похожие на бомбу Хиросимы.
Лет семьдесят там лампа Ильича,
но лампы не стоят без керосина.
Плюётся в небо сонный фокстерьер беззубым ртом...
Все тридцать два завязли в лисьих шкурах.
Там за покойником ненецкие каюры,
и шик семье, когда каюр с хлыстом.
по вечерам там пасмурно и дико,
когда в трубу влетает дьяволиха,
а Бог приходит, словно Дед Мороз на Рождество.

* * *

Этот август в деревне
под шелест листвы,
облетающей с вишен
губит. Я слышал, что дядя Миша,
внушавший доверие, опять
начал пить.
Порывы к письму становятся
тише и тише,
Лишь иногда сквозь рамы окон
узнавая луну, слышишь,

как Ангелы тихо садятся на крышу...
Но сонный отец мне объяснил,
что это скребутся летучие мыши.

* * *

Вечер, в деревне пустынно и тихо,
в старой корзине заснули котята.
– Дочка, в саду триндычит триндычиха,
ветер гуляет, зябнут маслята.
– Тебе-баруба, те-бе-бе-бе-ба.
– Видишь, луна золотится слезою.
– Папа, а кто целовал журавлиху,
Чтоб принесла меня ранней весною?

* * *

На черном зеркале забытого пруда,
где вянут запоздавшие кувшинки,
рисует неба стылая вода
унылые осенние картинки.
Почив в воспоминанье бабьих лет,
сырыми листьями на землю плачет ива.
Вороны незатейливый куплет,
за изгородью серая крапива

лишь дополняет траурный сюжет.

Октябрь вздыхает, иней поутру -
обычная осенняя картина.

Полощат, как хоругви на ветру,
с сухими пауками паутины.

Старуха лезет в погреб, с огурцов
листом капустным собирает плесень.

– Мы все умрём, старик, мы все умрём.

Мы все умрём, старик,
и все воскреснем.

* * *

Товарищ Полковник,
как Вы грозили,
что не ждет ничего меня впереди.

Всех что-то ждет...

Сижу у могилы,
ем землянику с Вашей груди.

* * *

Пьяного вели домой летучие мыши.

Они узнавали любой изъязн дороги,

Ориентируясь по звездам над крышами.

* * *

Я все твое так и выбросила,
чтобы губы не шептали напрасно.
Тетерева токуют на выселках -
прихорошены все так, препоясаны.
Затопила трескучую печь,
кошка-дура гостей намывала...
Я все двери закрыла на ключ,
даже в окна не сунулся луч.
А любовь появилась сначала.

* * *

Так закончилось, вылетело твоё лицо в форточку бабочкой,
только боль-бандитка, будто волос на губах.
Там темно, там не спросят, там не здесь.
Сожгла любви катехизис.
Чайная серебряная ложечка подарочек твой.
Пью чай, мешаю, мечтаю.
Хорошо.

* * *

Сегодня день такой роскошный:

гостей нализирует кошка,
солнце за шиворот льется,
смеется,
и пачкает смело девочка мелом асфальт.
В духовке курица,
от солнца жмурится,
жена не дуется,
а радуется.
На столе кружатся вина,
полыхают георгины.
Прозвенел дверной звонок.
И закончился листок.

* * *

Я вернулся из такой круговерти, выпив ведро дня,
пойми меня.
Видел:
берёзы рублены в талию,
там, где катались
мы на качелях,
там, где на лавочке ели
печенье,
девочки пели про летний вечер,
плакали ели
душистой смолой.

Нам не вернуться с тобою туда...
Где в роднике голубая вода...
Эхо тех мест онемело от крика,
там у ручья переспела брусника,
там имена наши забыли,
никто не плетёт ожерелий из лилий
и одуванчиков жёлтый венок.
Я только слышал, как щёлкал курок,
и невинные лоси бились в ручье,
губами касаясь подкошенных ног.

* * *

то ли просто день короткий
то ли просто вечер длинный
то ли просто мы с тобою
были сделаны из глины...

* * *

Солнце – это где-то рядом с небом,
небо – это где-то рядом с домом,
детство – это где-то между солнцем
и воздушным змеем невесомым.

* * *

Я в деревья влюбился раньше, чем в женщин.

Трогал постаревшую кожу.

Хотелось плакать, слёз-то не было.

Лес шумел – отвечал взаимностью.

Вёл дневник наблюдений за природой,
как девочка дневник свой девичий.

Грачи, например, прилетали 17-го марта,
а скворцы 2-го апреля.

Березовый сок: 19-го апреля. Украли...

Великий разлив в 81-м году.

Ложился в сфагнум, слушал: столетние сосны стонали,
лоси укладывались в посадке – губастые слепыши!

Знал синий камень на болоте,

делил с ним одиночество,

сидел на нем на кукурках.

Было.

Но однажды в капкан попалась утка и, уже умирая, выси-

дела

яйцо.

Я убил её веслом, а яйцо? Куда его дел?

С того времени я влюбляюсь и

в женщин, тогда же научился плакать.

* * *

Светало,
чёрствая корка ночи отступала,
день – мякиш булочный, занудный,
как эспандер, наступал.

Город спал.

В аллеях, алея восход теснился.

Я тебе опять не приснился.

Баба-дура, Трубадура ты любовь и высоту сантиметром
измеряешь,

как реакцию Манту.

Повзрослеешь, практикантка, и узнаешь,
каково не найти бессонной ночью
на другом конце «Алло».

А пока,

всё равно: жди звонка.

* * *

Первый сентябрь пах рыбой копченой,
брусникой моченой, свечой восковой.

Мы молодые. Время подковано, вздыблено вверх пионер-
ской трубой.

Дыханием свежи, знанием святы,
все ароматы жизни не мяты.

Как шёлковый галстук, наглаженный мамой,
как рубль юбилейный в правом кармане.

как правильно листья под нами шуршат,
как жало отточено карандаша.

В каких катаклизмах мы ещё не бывали.

Громко гремят три авторучки в пенале.

Зелёная. Синяя. Красная.

Ровные, словно свистульки из глины, гладиолусы, астры и георгины.

Манит туманом равнинная даль,

на букву «А» открытый букварь.

День этот парусник улицей плыл, золото-красный как эпиптрахиль.

Словно прощал в кредит болящим грехи, каких ещё нет в настоящем.

Дождик случайный

робко закапал. И где-то плакал, плакал и плакал за углом горизонта ...

...

Там...

Там-та-рам,

Там-та-рам...

* * *

девочка-молочница

сосисочка молочная

в соке сложенная дочка

шоколадные сосочки
провода в деревне
проводов нити
деревенская Нефертити
до свидания, до завтра,
деревенская Клеопатра
ладночки-ладночки...
ладушки-ладушки
папочки-мамочки...
– Где была?
– У бабушки...

* * *

Весна и дорога, сердце в огне,
не дай тебе Бог вернуться ко мне.
Будет день – будет пища.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.